

Александр Прозоров

КНЯЗЬ

ВОЙНА МАГОВ

Повелитель снов
Всадники ночи
Война магов

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П79

Серия «Фэнтези-коллекция»

Оформление обложки *Николая Зубкова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П79

Прозоров, Александр Дмитриевич

Князь: Повелитель снов. Всадники Ночи. Война магов: сборник / Александр Прозоров. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2018. — 720 с. — (Фэнтези-коллекция).

ISBN 978-5-17-110456-6

Тяжкая ноша — знать будущее. В далеком XVI веке из всех смертных только Андрею Звереву, князю Сакульскому по праву рождения, известно, что через тридцать лет армия Казанского ханства принесет гибель Великой Руси. Поэтому именно сейчас, пока в Казани куда больше друзей России, нежели врагов, нужно воссоединить оба государства. Однако против пришельца из XXI века будто ополчается весь мир: европейские страны не желают усиления Руси, могучая Османская империя боится потерять вассала на Волге, государь стремится избежать лишней крови. Андрею приходится столкнуться и с хитростью, и с обманом, с царской опалой и колдовством чародеев, многократно превосходящих его силой, с целыми армиями и изменой. Однако князь знает: если он отступит, его Родина перестанет существовать.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110456-6

© Александр Прозоров, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Повелитель снов

МАККОВЕЙ

Проскакав неспешной рысью по петляющей вдоль Суходольского озера тропе, Андрей Зверев, он же князь Сакульский по праву владения, спешился возле каменной россыпи, что раздвигала камышовые заросли, отпустил подпруги, быстро разделся, пробежал по камням и с крайнего вниз головой сиганул в теплую воду. Проплыл метров десять, вынырнул, шумно выдохнул, стремительными саженками отмерил еще метров пятьдесят и, перевернувшись на спину, раскинул руки и ноги, подставляя обнаженное тело солнечным лучам.

Внезапно на берегу послышался треск, лошадь тревожно всхрапнула — Андрей тут же перевернулся, подгрреб поближе к берегу, замер, прислушиваясь. Нет, ничего, вроде спокойно. Хотя, конечно, без оружия под рукой на душе все равно как-то неуютно.

Не то чтобы князю было чего опасаться в своих землях. Здесь, в сердце Северной Пустоши, в окруженном с трех сторон водой княжестве случайных прохожих не бывало, тати не баловали, войска вражеские тоже не бродили. Рубежи датские лежали рядом, сразу за рекой Волчьей — да только по ту сторону границы царила такая же пустота: непролазные сосновые боры на холмах, густые осинники в низинах, да еще все перемежалось частыми озерами, реками и болотами. Поди доберись! Предосудительного Андрей тоже ничего не делал. В жару во всех русских деревнях купались все от мала до велика. И хотя рассказывали темными вечерами старики истории про коварных любвеобильных русалок, расчесывающих волосы по берегам глубоких омутов, про холодных навок и жадных водяных, про вечно хромых анчуток, болотниц и бродящих по топям в облике толстых монахов болотников — воды все едино никто не боялся. Плавать умели, почитай, все. Не в пустыне жили — есть где научиться. А что «Ильинка кинул льдинку» — так про то и самые истовые христиане по жаре мало когда вспоминали.

Правда, со смердами Зверев не купался никогда. Как-никак князь. Не хотел общему баловству с простыми пахарями предаваться: должна и дистанция некая между господином и крестьянином существовать. Но и отказываться в зной от озерной прохлады Андрей не собирался. Разве устоишь в неполные девятнадцать лет от возможности обмакнуть в принадлежащей лично тебе реке, в заводи или озере? Ну да, коли и застанет его тут какой смерд — стыдного-то нет ничего. Плавает хозяин и плавает. Не тонет ведь. Значит, позора на нем нет.

Если кого опасаться и стоило — так только волка, что лошадь зарезать может, пока человек далеко. Но ведь август — не голодный февраль, когда половина дичи по норам спит, а другая половина под снегом прячется. Зачем серому летом к кобыле лезть и копытом в лоб получать, коли крыс да зайчат неопытных по кустам полно?

— Не бойся, красotka, никто тебя не тронет, — утешил лошадку Андрей и опять откинулся на спину. Но не успел он распластать руки, как с Боровинкина холма тревожно ударил набат. — Вот... проклятие...

В этот раз князь торопливо доплыл до камней, выбрался на берег, натянул шаровары, рубаху, опоясался ремнем с ложкой и двумя ножами — саблю в княжестве Андрей почти не носил, — пришлепнул гладко выбритую голову тафьей, на ноги натянул мягкие сине-красные сафьяновые сапоги, двумя движениями затянул подпруги седла, поднялся в стремя и с ходу пустил кобылу в галоп, пригнувшись к самой ее шее, дабы встречные деревья не хлестали ветками по лицу. В голове, сменяя друг друга, возникали мысли одна страшнее другой: «Пожар? Набег? Мор? Опять мертвецы проснулись?».

Однако, когда Запорожская деревня показалась в виду, князь не увидел над ней дымов от пожарищ, не услышал ни плача, ни криков.

— Так какого тогда ляду? — недоуменно пробормотал молодой человек, переходя на широкую походную рысь. — Дети малые, что ли, до била добрались?

В деревне хозяина заметили, замахали руками. Андрей увидел, как один из мужчин потрусил навстречу, узнал в нем вечно лохматого Пахома и дал кобыле шпоры, снова переходя в галоп.

— Чего стряслось, дядька? — склонился вперед Зверев.

— Дык, княгинюшка твоя... — задыхаясь, буквально вытолкнул с губ нужные слова холоп. — Повитуху кличут...

— Что-о?!

Андрей опять сорвался во весь опор, пересек деревню, соскочил во дворе прямо на крыльцо избы, ринулся внутрь, но уже в сенях его перехватила дородная Лукерья, жена старосты:

— Нет, княже, тебе ходу туда нету. Что хошь делай, а место в светелке ныне бабье, нечего там вам, мужам, делать. Токмо смущать да отвлекать станете. Неча, неча, иди отсюда!

Протиснуться мимо нее Зверев не смог — да и не шибко старался, внутренне признавая ее правоту. Там, в светелке сейчас творилось чудо появления новой жизни. Чудо, доступное только женщинам и Богу. Мужчине, больше привычному убивать, в этом святилище и вправду делать было нечего.

Он вышел обратно во двор, потоптался и, не зная, что делать, попытался заглянуть в окно. Разумеется, безуспешно: чего там через выскобленный бычий пузырь различишь? На миг мелькнула совершенно дурная мысль, что, будь у Полины сотовый телефон, она могла бы ему позвонить. Мелькнула — и ушла. Какой прок в телефоне, коли схватки начинаются? Тут не до разговоров. А как все кончится, он и без всяких телефонов к жене зайти сможет. И тут уж никакая Лукерья князя не остановит...

— А то ведь и на кол посадить недолго, — пробормотал Андрей. — За мной не заржавеет.

Хотя, конечно, на кол он за все три года пребывания в шестнадцатом веке никого еще не сажал. В голову как-то раньше не приходило.

— Что, тяжело, княже? — подоспел запыхавшийся Пахом и опустился на ступени крыльца. — Кричит? Ох, тяжело это, княже, слушать, как баба от боли воет и беспомощностью мучится. А чем ей поможешь? Удел такой бабий. Они нас рожают в муках, а мы животы свои за них в сечах кладем.

В избе и вправду раздался страшный крик — и Зверев опять забегал под окном. Подпрыгнул — разумеется, с прежним результатом.

— Ты чем маяться, батюшка, — пригладил встрепанные волосы холоп, — помолился бы лучше ей за здоровье, за благополучное разрешение от бремени. Молебен, вон, в храме бы заказал. Даром, что ли, хозяйюшка его отстроила, пока мы по Европам сатанинским мотались? С Божьей помощью и лихоманка никакая не пристанет, и муки перенести легче получится, и...

— Да, молебен, — схватился за подоброщенную мысль Андрей. — Молебен! Немедля прикажу, немедленно!

Радуюсь возможности сделать хоть что-нибудь, князь вскочил на спину несчастной кобылке и во весь опор помчался к Боровинкину холму.

Ведко пахнувшей свежими сосновыми опилками, хрустяще-белой церкви было пусто. Перед тремя небольшими иконками горело по лампадке, две свечи плакали воском возле распятия — ни пропахнуть дымом и ладаном, ни обогатиться намоленными иконами новенький храм еще не успел. Молодой еще, с только пробивающейся бородкой попик, скинув рясу, завернув крест за спину и высунув от увлечения язык, старательно вырезал из липы овальную, в размер бревен, емкость с уже готовой щелью наверху. Видимо, ящичек для подаяний.

— Молись! — ринувшись к нему, потребовал Зверев. — Молись немедленно!!!

— Ты... Ты почто, княже?.. — Попик вскочил, уронив на пол стамеску, побелел, как полотно, попятился к стене.

— Молись! За жену мою молись! Не слышишь, что ли, рожает?! Да молись, чего встал, как истукан? Благополучно разрешится — колокол на пять пудов церкви подарю!

Священник сглотнул, широко перекрестился, заскреб пальцами по груди, видимо забыв, где находится нагрудный крест, горячо выдохнул:

— Благослови тебя Господь, сын мой... Да токмо что нам проку в колоколе-то пяти пудов? Надобно хотя бы на семьдесят, дабы окрест звон был слышен. Семьдесят пять...

— Нашел время торговаться, — скрипнул зубами Андрей. — Ты молись, молись! За жену, за ребенка, за здоровье и благополучие. Молись, будет тебе колокол. На сто пудов будет! Только голос свой до Исуса донеси, благословение его вымоли. Пусть хорошо все пройдет — и будет тебе колокол. Молись!

— На все воля Божья, сын мой, — наконец перекинул поп вперед свой крест. — На Его силу и провидение уповаем. Да пребудет с нами Его милость.

— Молись! — еще раз потребовал князь Сакульский и наконец-то сообразил перекреститься. Все же в обители Божьей находится. — Господи, спаси, помилуй и сохрани грешного раба твоего Андрея. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Он еще раз перекрестился, склонил голову перед резным распятием, круто развернулся и выбежал наружу. Уже не торопя изрядно уставшую лошадь, Андрей выехал на дорогу, проскакал вдоль

поля старосты, на котором выставила на солнце золотистые бока хорошо удавшаяся репа. За межей свернул к кустарнику, спешился, кинул поводья на ветви лещины, сам пробрался еще шагов на двадцать дальше, перешел обратно на поле, опустил на колени, поцеловал землю:

— Тебя о милости молю, мать наша Триглава. Не дай пропасть плоти моей и крови моей, не сгуби супружницу мою мукой напрасной, не ужаль нас болью утратной. Я, внук Сварога-созидателя, дитя корня русского, тебя, богиня земли, о милости прошу. Помогите жене моей, Полине, ныне ребенка благополучно родить, одари его силой, красотой и здоровьем, тебя самой достойными, одари его жизнью долгой и радостной, одари его счастьем на земле русской жить от юности и до старости, спаси от голода и лихоманки, от дурного глаза и злого слова, от завистника и черноризника, от иссушатника и болотника. Отныне и до века. Аминь.

Старый Лютобор учил, что жертву Триглаве надлежит приносить семенем... Закончив обряд, князь вернулся к коню, поскакал в поселок. У суесящихся во дворе девок потребовал крынку молока и полбуханки белого хлеба, с угощением поехал к реке. Здесь, у текущих вод, он поделился трапезой с Дидилией: принес жертву русской богине, хранительнице семьи и беременности, попросив ее помощи и покровительства. Древние боги не ревнивы и не отказывают в помощи, коли человек обращается сразу к нескольким из них. Пусть даже одна из высших сил пришла из чужих краев и называет себя единственной. Чем больше защитников у смертного — тем лучше.

Еще укорил себя Андрей, что не очистил дом от столь частой в деревнях нежити: от кикимор, рохлей, баечников, от возможных злых чар. Ведь учил его этому волхв с Козютина мха, учил чародей. Да как-то не нашел князь минуты для такого дела, все на потом откладывал. Такова уж натура человеческая! Сколько ни изобретали древние колдуны надежных защитных заклятий и амулетов, сколько ни придумают будущие ученые чудесники разных вакцин и лекарств — ан большинство людей неизменно оставались и будут оставаться в стороне от подобных благ лишь потому, что недосуг им сделать прививку или повесить на шею созданную умелым знахарем ладанку. Иногда не просто бедой и болезнью платят — жизни по лености своей лишаются. И хотя знают, чем рискуют, а все равно — защититься не торопятся. Некогда им, все некогда да некогда...

— Завтра же зачитку сотворю, — пообещал себе Андрей, поднимаясь в седло. — И на рябину, и на можжевельник. И амулеты при окнах и дверях заложу.

В Запорожской деревне оказалось шумновато. Весть о том, что в семье господина вот-вот появится пополнение, разбежалась к вечеру во все края княжества, и от каждой деревни явилось по одному, по два, а то и по десятку любопытствующих: чем все кончится, благополучно ли, с кем хозяина поздравлять? Фрол, собрав пяток парней, гостей от княжеского двора отгонял, дабы не смущали шумом роженицу и не путались у девок и повитух под ногами.

— Ну что тут? — спешившись, бросил поводья дядьке Зверев.

— Нечто они скажут? — пожал плечами Пахом. — Бегают, суетятся. Полотна чистого, нового истребовали, беленого. Мох болотный, что у нас в припасах был, весь, почитай, извели.

— Как извели? — нервно дернулся Андрей. — Там что, кровотечение?

— Нет, княже, забрали токмо, — положил ему руку на плечо Пахом. Видимо, побоялся, что воспитанник кинется в дом. — Не тревожься. Оно же вернее, коли мхом все выстилать. Болотницы с лихоманкой не дружат. Коли мох на ране, то ни трясушки, ни Антонова огня* бояться не надобно. Дитятко слабый ведь совсем появляется. Так спокойнее. Ты молебен-то заказал, княже?

— Зарок попу дал: коли благополучно все выйдет, колокол стопудовый для церкви закажу. Молится.

— Не попу, — укоризненно поправил холоп, — батюшке.

— Ты его видел, дядька? — хмыкнул Зверев. — Молоко на усах не обсохло. Какой же он батюшка?

— Не в нем сила, княже, сила в слове Божиим, в благодати, что через него на нас исходит. Да и старше он тебя, мыслю, лет на десять.

— И сколько сечь он прошел, Пахом? Сколько ляхов на рогатину взял, сколько крестоносцев зарубил? Мне, может, и девятнадцать всего, да годы мои один за десять идут. Потому как цену ошибкам своим знаю.

— А он слово Божие усердно зубрил, княже, пока ты бердышом по стенам размахивал. Да еще он при соборе Воскресенском на Валааме пять лет служил. Посему его молитва десяти твоим равна. И коли Бог тебе сына пошлет, Макковей, в том немалая его доля будет.

* Антонов огонь — гангрена, от которой, по преданиям, чудесным образом исцелял недужных святой Антоний.

— Погоди. — От услышанного имени Зверева аж передернуло. — Какой Макковой? Почему? Я про имя пока ничего не говорил.

— Так ведь день сегодня какой? Серпения пятый над десятком. Святого Макковья день. Стало быть, и имя мальчика по святому его покровителю наречется. Удачный ныне день, княже, от дурного глаза спокойный. Три дня тому Силуян отмечался. Ав Силуяна, известное дело, ведьмы все от жажды маяться начинают и молоко пьют. Иные до смерти опиваются, а иные, опившись, на многие дни обмирают. Посему люду крещеному ныне вольготно, и дитям сглаза бояться ни к чему...

— Какой Макковой? — продолжал думать о своем Зверев. — Не-что иного имени в святках нет?

— Знамо, имеются, — кивнул Пахом. — Помнится, Пантелеймона день тоже сегодня значит, и Пафнутия.

— Понял, — недовольно фыркнул Андрей. — Ладно, договоримся как-нибудь... с батюшкой...

В очередной раз скрипнула на смазанных салом подпятниках дверь избы, но теперь вместо потных девок на двор спустилась, вытирая ладони краем верхней юбки, незнакомая краснощекая баба с молодым взглядом и седыми косами, вывалившимися на плечи из-под серого платка с красными нитяными кисточками по краям. Она обвела всех присутствующих оценивающим взглядом, остановила его на Андрее, подошла ближе и низко поклонилась, чиркнув пальцами по земле:

— С новорожденным тебя, папочка, с сыном. Вылитый ты.

— Сын родился! — неуверенно выдохнул Андрей и уже во весь голос, в крик повторил: — Сын у меня, люди, сын на свет явился! Сын! Фрол, пива всем немедленно, меда хмельного, вина давай! Сегодня каждый сытым и пьяным быть должен! Кто завтра на работу выйдет — за врага считать стану. Гулять всем с зари и до упаду! Что завтра на праздник съедено и выпито будет, второе с оброка прощаю. Нет, Фрол, вчетверо!

Деревенские и приезжие из других поселков радостно завопили, выкрикивая здравицы и князю, и его наследнику, дядька же толкнул в бок и громко шепнул воспитаннику на ухо:

— Бабке... Пятиалтынный бабке сунь, положено... — и сунул Андрею в руку серебряную монету.

Князю искать кошель, рыться в нем было некогда, а потому он передал повитухе пятиалтынный холопа:

— Держи, красавица, заслужила.

— Ай, и спасибо тебе, красный молодец, удалой удалец! Хорошо ты дело свое начал, так бы нам и каждый год с тобой встречаться... — Она приподнялась на носки и, немало не смущаясь высоким званием папочки, торжественно расцеловала его в обе щеки: — Теперича к ненаглядной своей беги, пока не заснула с усталости. Поди, невтерпеж.

Андрей взял ее за плечи, решительно отодвинул в сторону, быстрым шагом поднялся по ступеням, миновал сени, ворвался в светелку, посреди которой утонула в перине его княгиня, присел на край постели, взял бледную, как молоко, Полину за руку:

— Ну ты как?

Юная мама молча улыбнулась, скосила глаза в сторону. Андрей глянул туда же и увидел среди тряпок крохотное, старчески сморщенное, безволосое личико с коричневыми пятнами на лбу. Существо больше походило на воздушный шарик, из которого выпустили воздух, но никак не на человека, и никаких родительских эмоций не вызывало. Зверев кашлянул, неуверенно переспросил:

— Сын?

Полина опять улыбнулась, притянула к себе его ладонь, поцеловала в тыльную сторону.

— Устала хозяйюшка, Андрей Васильевич, — подступила к нему сенная девка. — Вона сколько сил потратила, пока разродилась. А ей ведь еще и кормить надобно. Почивать ей ныне потребно, княже, почивать.

— Спи, — погладил жену по руке Андрей, поцеловал ее в лоб. — Спи. — Инеожиданно для самого себя добавил: — Я люблю тебя, Полина, суженая моя.

Кажется, это было первое «люблю», которое слетело с его уст в этой жизни.

На деревне уже веселились. Староста, следуя приказу господина, выставил на улицу несколько бочонков вареного хмельного меда, выбил доньшки, предоставив всем желающим черпать угощение, сколько заблагорассудится. Здесь же, на заборе, висели гирлянды из копченой рыбы, под ними лежали розовые на срезе свиные окорока, куриные полти. Однако сам Фрол, Пахом и еще несколько местных старожилов устроились по другую сторону частокола, между погребом и амбаром, открыв бочонок с квашеной капустой и скромно подвесив над ним двухпудовую белорыбицу. Запивку они тоже черпали из бочонка — но заметно меньшего по размерам, с восковой печатью на боку. Петерсемена, добротное красное

рейнское вино. Отчего не побаловаться, коли хозяин позволяет? Зверев повернул к ним и тут же получил в руки полулитровый резной осиновый корец.

— Долгие лета князю нашему, Андрею Васильевичу! — торопливо провозгласил староста.

— Долгие лета!!! — тут же подхватили за забором.

Андрей покачал головой, зачерпнул вина, выпил примерно с половину ковшика, выдернул косарь, срезал с рыбьей туши изрядный ломоть, прожевал. Фрол, слегка втянув голову в плечи, ждал. Вино все ж таки, не пиво и не мед, что на любом дворе сварить можно, за него серебром плачено. А ну разгневается князь?

— Не то кричишь, — укоризненно покачал головой Зверев. — Ныне не мой день рождения. Наследника.

— Долгие лета княжичу нашему, долгие лета! — немедленно подхватили смерды и Пахом вместе с ними. — Долгие лета!

* * *

Праздник вместо дозволенного князем одного дня растянулся на целых три, и остановить его не смог даже Медовый Спас — начавшийся через день после дня рождения княжича Успенский пост. Андрей, памятуя, что смерды отмечают рождение его первенца, на решительные меры не решался, а посему что ни вечер — в Запорожском звучали песни, пели дудки, бродили запойные компании. Что ни утро — кто-то приходил с жалобами на бедокурящих парней, которые то изгородь опрокинут, то корову так напугают, что та дойти перестает, то под подол девке какой или бабе полезут.

Когда наступил Яблочный Спас, Зверев не выдержал и велел старосте давать по десять плетей каждому, кто покажется на улице в подпитии. Не за пьянство, естественно — за нарушение поста, запрещающего употреблять скоромное еще шесть дней. Каждую осень прагматичная мудрость Православной Церкви становилась ясна любому. Только-только кончилась сенокосная пора, начиналось время уборки урожая: лука, репы, яблок. Какое тут веселье? Работать надобно в поте лица, работать от зари и до зари, чтобы по зиме голодному не остаться, чтобы все тягло и оброки уплатить, чтобы погребов и амбаров набить по самую крышу... Простая скромная пища и труд, труд и простенькая скромная пища — во имя будущего благополучия души и тела.

Вечером нового дня Фрол загнал на двор временного пристанища князей Сакульских двух парней — крепких лбов лет по двадцати.